

**Алексей Феофилактович
Писемский**

Мещане

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-3
ББК 84

Алексей Феофилактович Писемский

Мещане / Алексей Феофилактович Писемский – М.: Книга по Требованию, 2011. – 240 с.

ISBN 978-5-4241-1750-3

А.Ф.Писемский - один из значительных русских писателей гоголевского направления. Многие острокритические рассказы, повести, драмы писателя имели широкую известность среди современников и не утратили художественную ценность и в наше время.

ISBN 978-5-4241-1750-3

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Писемский Алексей
Мещане

Алексей Феофилактович Писемский

Мещане

Роман в трех частях

{1} - Так обозначены ссылки на примечания соответствующей страницы.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I

В Большом театре давали "Травиату". Примадонна была восхитительна. В переднем ряду, между все почти военными, сидел один статский. В его фигуре, начиная с курчавой, значительно поседевшей головы и весьма выразительного, подвижного лица до посадки всего тела, проглядывало что-то гордое и осанистое. Он сидел, опершись своими красивыми руками на дорогую палку. Костюм его весь состоял из одноцветной материи. По окончании первого акта, когда статский встал с своего места и обернулся лицом к публике, к нему обратился с разговором широкоплечий генерал с золотым аксельбантом и начал рассказывать, по мнению генерала, вероятно, что-нибудь очень смешное. Статский выслушал его весьма внимательно, но в ответ генералу ничего не сказал и даже на лице своем ничего не выразил. Тот, заметно этим несколько обидевшись, отвернулся от статского и, слегка поддувая под свои нафабранные усы, стал глядеть на ложи. В это время с другой половины кресел стремился к статскому другой военный, уж какой-то длинновязый, с жиденькими усами и бакенбардами, с лицом, усыпанным веснушками, с ученым знаком на груди и в полковничьих эполетах. Он давно со вниманием заглядывал на статского, и, когда тот повернул к нему лицо свое, военный, как-то радостно воскликнув: "Боже мой, это Бегушев!" - начал, шагая через ноги своих соседей, быстро пробираться к нему.

- Александр Иванович, вы ли это? - произнес он, останавливаясь, наконец, перед Бегушевым.

Что-то вроде приветливой улыбки промелькнуло на губах того.

- Ах, Янсутский, здравствуйте! - проговорил он, протягивая военному руку и как бы несколько обязательным тоном.

После того Янсутский некоторое время переминался перед Бегушевым, видимо, отыскивая подходящий предмет для разговора.

- Но каким же образом вы на опере Верди? - придумал он, наконец.

Бегушев усмехнулся.

- Что вас так удивляет это? Я очень люблю эту оперу, - отвечал он.

- Но знатоки, кажется, вообще не слишком высоко ставят Верди?.. больше спросил Янсутский.

- Я не особенный знаток... - протянул Бегушев.

- Ну, как вы не знаток!.. - возразил Янсутский и затем прибавил: - Как, однако, много времени прошло с тех пор, как я имел честь познакомиться с вами за границей... Лет пятнадцать, кажется?

- Да, - протянул и на это Бегушев.

Янсутский придал затем печальное выражение своему лицу.

- А Наталья Сергеевна, как я слышал, кончила жизнь?

Лицо Бегушева окончательно омрачилось.

- Она умерла, - проговорил он.

После этого оба собеседника опять на некоторое время замолчали.

- А вы тоже в Москве живете? - сказал Бегушев как бы затем, чтобы что-нибудь

сказать.

- Я, собственно, больше живу в вагонах, на железной дороге. Я занимаюсь коммерцией: распорядитель в нескольких компаниях и сам тоже имею подряды. Нельзя, знаете: в год тыщочок шестьдесят-восемьдесят иногда зашибешь, приятно это и соблазнительно... - объяснил Янсутский.

- Но каким же образом вам позволяют носить ваш военный мундир? спросил Бегушев явно удивленным голосом.

- Да... ну, это что же!.. Я, собственно, схлопотал и сохранил себе эту форму больше для апломба. Весу она, знаете, как-то больше дает между разным этим мужичьем: подрядчиками... купцами!.. Россия-матушка еще страна варварская: боится и уважает палку и светленький позументик!

Бегушев на это молчал.

- Вы, если я не ошибаюсь, дом свой в Москве имеете? - допрашивал его Янсутский.

- Свой-с! - отвечал ему лаконически Бегушев.

- Надеюсь, что вы позволите мне быть у вас, - продолжал Янсутский, слегка кланяясь, - у меня тоже здесь свой дом, который и вы, может быть, знаете: на Тверской, против церкви; хатка этакая небольшая - на три улицы выходит... Сам я, впрочем, не живу в нем, так как бываю в Москве на время только...

Бегушев и на это совершенно промолчал.

- Буду иметь честь явиться к вам! - заключил Янсутский и, расшаркавшись, отошел от Бегушева; но, проходя мимо широкоплечего с аксельбантом генерала, почти в полспины поклонился ему. Генерал протянул ему два пальца. Янсутский пожал их и, заметно оставшись очень доволен этим, вышел с некоторою гордостью на средний проход, где, приостановившись, взглянул на одну из бельэтажных лож, в которой сидела одна-одинехонька совершенно бабочке подобная дама, очень богато разодетая, с целым ворохом волос на голове, с лицом бледным и матовым, с светлыми, веселыми глазами и с маленьким, вздернутым носиком. В продолжение всего акта она совершенно не слушала оперы, сидела даже отвернувшись от сцены, очень часто зевала и прислонялась головкой к спинке кресел, как бы затем, чтобы заснуть. Единственным развлечением ее была стоявшая на перилах ложи бонбоньерка, из которой она беспрестанно таскала конфеты, нехотя сосала, жевала их и некоторые даже выкидывала из своего хорошенького рта. Увидав Янсутского, дама сделала ему пригласительный знак рукою. Тот кивнул ей, в свою очередь, головой и через несколько минут вошел к ней в ложу.

- На, съешь конфетку! - начала она, как только что он уселся рядом с ней.

- Подите, не хочу! - отвечал Янсутский.

- Съешь!.. Съешь непременно! - повторила настойчиво дама и почти насильно сунула ему в руку огромную конфету.

Янсутский улыбнулся, пожал плечами; но делать нечего: начал есть конфету.

- С кем ты с последним мужчиной говорил? - спросила дама.

- С Бегушевым.

- А ты разве знаком с ним?

- Давным-давно, - отвечал Янсутский.

Дама после того, прищуривав свои хорошенькие глазки, начала внимательно

смотреть на Бегушева.

- А он в самом деле очень хорош собой! - проговорила она, с живостью повертывая свою головку к Янсутскому.

Бегушев в это время все еще стоял лицом к публике и действительно, по благородству своей фигуры, был как отменный соболь между всеми.

- Чем же особенно хорош? Наконец, он не молод очень, - старик почти! - возразил Янсутский.

- А он богат? - продолжала расспрашивать дама.

- Богат!

- Говорят, он очень умный и ученый, что ли?

- А черт его знает, умный ли он и ученый! - произнес уж с некоторою досадливостью Янсутский. - Но кто ж тебе говорил все это про него?

- Домна Осиповна, разумеется!.. Кто ж больше!..

Янсутский при этом усмехнулся.

- Значит, это правда, что она с ним сошлась?

- Еще бы не правда!.. - воскликнула дама. - Вчера была ее горничная Маша у нас. Она сестра моей Кати и все рассказывала, что господин этот каждый вечер бывает у Домны Осиповны, и только та очень удивляется: "Что это, говорит, Маша, гость этот так часто бывает у меня, а никогда тебе ничего не подарит?"

Янсутский снова на это усмехнулся.

- Как же это так случилось? Домна Осиповна всегда себя за такую смиренницу выдавала! - сказал он.

- Пожалуйста, смиренницу какую нашел! - произнесла насмешливо его собеседница. - Она когда и с мужем еще жила, так я не знаю со сколькими кокетничала!..

- Но тогда она это делала, как сама мне говорила, для того, чтобы ревность в муже возбудить и чтобы хоть этим удержать его около себя.

- Ну да, так!.. Для этого только!.. - горячилась дама. - Кокетничала, потому что самой это приятно было; но главное, досадно, - зачем притворничать? Я как-то посмеялась ей насчет этого Бегушева, она вдруг надулась! "Я вовсе, говорит, не так скоро и ветрено дарю мои привязанности!.." Знаешь, мне хотела этим маленькую шпильку сказать!

- И за дело!.. Зачем же вызывать на такие разговоры, когда кто их сам не начиняет...

- Я их теперь и не начну больше никогда с ней!.. - сказала дама и при этом от досады сделала движение рукою, от которого лежавшая на перилах афиша полетела вниз. - Ах! - воскликнула при этом дама совершенно детским голосом и очень громко, так что Янсутский вздрогнул даже немного.

- Что такое? - спросил он.

- Посмотри, я афишу уронила, - продолжала дама, загибая голову вниз, вон она летит и прямо-прямо одному старичку на голову; а он и не чувствует ничего, ха-ха-ха!

И дама, откинувшись на задок кресла, начала хохотать.

- Перестань, Лиза; разве можно так держать себя в театре! - унимал ее Янсутский.

- Не могу, не могу удержаться!.. - говорила дама.

Янсутский покачал только с неудовольствием головой и, встав со стула, начал

поправлять ремень у своей сабли.

- А ты разве не поедешь ко мне ужинать? У меня папа будет и привезет устриц!
- проговорила дама.

- Бог с ним, с твоим папа, и с его устрицами... Мне еще нужно в одном месте быть.

- Так вот что... - начала дама, и голос ее как бы изменил своей обычной веселости. - Каретник опять этот являлся: ему восемьсот рублей надобно заплатить.

Что-то вроде кислой гримасы пробежало по лицу Янсутского.

- Заплатил уж я ему, - отвечал он с явной досадой.

- И потом... - продолжала дама, голос ее все еще оставался каким-то нетвердым, - из магазина от Леон тоже приходили, и ты, пожалуйста, скажи им, чтобы они и не ходили ко мне... я об этих противных деньгах терпеть не могу и разговаривать.

- А вещи когда берешь, это любишь? - заметил ей ядовито Янсутский.

- Вещи я, конечно, люблю, а потом я хотела тебе сказать, - сердись ты на меня или не сердись, но изволь непременно на нынешнее лето в Петергофе дачу нанять, или за границу уедем... Я этих московских дач видеть не могу.

- Успеем еще это сделать, - отвечал Янсутский, уже уходя.

- Непременно же! - крикнула ему вслед дама.

В продолжение всего этого разговора генерал с золотым аксельбантом не спускал бинокля с ложки бабочке подобной дамы, и, когда Янсутский ушел от нее, он обратился к стоявшему около него молодому офицеру в адъютантской форме:

- Это madame Мерова, если я не ошибаюсь?

- Да-с! - отвечал адъютант.

- И в ее ложе, по обыкновению, Янсутский!.. - продолжал генерал.

- Как всегда! - отвечал с улыбкой адъютант. - Очень, говорят, она дорого ему стоит! - прибавил он негромко.

- Дорого? - полюбопытствовал генерал.

- Тысяч двадцать пять в год! - объяснил адъютант.

- Ого, сколько!.. - произнес негромко, но заметно одобрительным тоном генерал.

При разъезде Бегушев снова в сенях встретился с Янсутским, который провозжал m-me Мерову. Янсутский поспешил взаимно представить их друг другу. Бегушев поклонился m-me Меровой с некоторым недоумением, как бы не понимая, зачем его представляют этой даме, а m-me Мерова кинула только пристальный, но короткий на него взгляд и пошла, безбожнейшим образом волоча длинный хвост своего дорогого платья по грязному полу сеней... От рассеянности ли она это делала или от каких-нибудь мыслей, на минуту забежавших в ее головку, - сказать трудно!

К подъезду первая была подана карета m-me Меровой, запряженная парой серых, в яблоках, жеребцов. M-me Мерова как птичка впорхнула в карету. Ливрейный лакей захлопнул за ней дверцы и вскочил на козлы. Вслед за тем подъехал фаэтон Янсутского - уже на вороных кровных рысаках.

- Кто это именно дама, с которой вы меня познакомили? - спросил его Бегушев.

- Это одна моя очень хорошая знакомая, - отвечал Янсутский с некоторой лукавой усмешкой. - Нельзя, знаете, я человек неженатый. Она, впрочем, из очень хорошей здешней фамилии, и больше это можно назвать, что *par amour!**. Честь имею кланяться! - И затем, сев в свой экипаж и приложив руку к фуражке, он крикнул: - В Яхт-клуб!

* по любви! (франц.).

Кровные рысаки через мгновение скрыли его из глаз Бегушева.

Нет никакого сомнения, что Янсутский и m-me Мерovou, и ее каретою с жеребцами, и своим экипажем, и даже возгласом: "В Яхт-клуб!" хотел произвести некоторый эффект в глазах Бегушева. Он, может быть, ожидал даже возбудить в нем некоторое чувство зависти, но тот на все эти блага не обратил никакого внимания и совершенно спокойно сел в свою, тоже очень хорошую карету.

Кучер его, выбравшись из ряда экипажей, обернулся к нему и спросил:

- За Москву-реку прикажете ехать?

- Туда! - отвечал Бегушев.

Кучер поехал.

Глава II

На Таганке, перед большим домом, украшенным всевозможными выпуклостями, Бегушев остановился. В доме перед тем виднелся весьма слабый свет; но когда Бегушев позвонил в колокольчик, то по всему дому забегали огоньки, и весь фасад его осветился. На все это, разумеется, надобно было употребить некоторое время, так что Бегушев принужден был позвонить другой раз. Наконец, ему отворили. Он вошел и сделал невольнo гримасу от кинувшегося ему в нос запаха только что зажженного фотогена {9}. Три приемные комнаты, через которые проходил Бегушев, представляли в себе как-то слишком много золота: золото в обоях, широкие золотые рамы на картинах, золото на лампах и на держащих их неуклюжих рыцарях; потолки пестрели тяжелою лепною работою; ковры и салфетки, покрывавшие столы, были с крупными, затейливыми узорами; драпировки на окнах и дверях ярких цветов... Словом, во всем чувствовалась какая-то неизящная и очень недорогая роскошь. В этих комнатах не было ничего; но в четвертой комнате, представляющей что-то вроде женского кабинета, Бегушев нашел в домашнем туалете молодую даму, сидевшую за круглым столом в покойных креслах, с глазами, опущенными в книгу. Это была та самая Домна Осиповна, о которой упоминала m-me Мерова. При входе гостя Домна Осиповна взмахнула глаза на него, нежно улыбулась ему и, протягивая свою красивую руку, проговорила как бы не совсем искренним голосом:

- А я было и ждать вас совсем перестала, - досадный этакой!

- Виноват, опоздал: я в театре был, - отвечал Бегушев, довольно тяжело опускаясь на кресло, стоявшее против хозяйки. Вместе с тем он весьма внимательно взглянул на нее и спросил: - Вы все еще больны?

- Да, у меня здесь вот очень болит, - сказала Домна Осиповна, показывая себе на горло, кокетливо завязанное багистовым платком.

- Но что же доктор, как объясняет вашу болезнь? - продолжал Бегушев уже с беспокойством.

- А бог его знает: никак не объясняет! - отвечала Домна Осиповна. Она, впрочем, вряд ли и больна была, а только так это говорила, зная, что Бегушеву

нравятся болеющие женщины. - Главное, досадно, что курить не позволяют! - присовокупила она.

- Ну, это еще беда небольшая! - заметил ей Бегушев.

- Да, я знаю, вы даже рады этому! - сказала Домна Осиповна. - Однако что же я не спрошу вас: вы чаю, может быть, хотите?

- Ежели есть он, - отвечал Бегушев.

- О, конечно, - проговорила Домна Осиповна и, проворно встав, вышла в соседнюю комнату. Там она торопливым голосом сказала своей горничной: - Чаю, Маша, сделай, и не из того ящика, из которого я пью, а который получше, знаешь?

- Знаю-с, - подхватила сметливая горничная.

- На стакан или на два - не больше! - прибавила Домна Осиповна.

- Понимаю-с! - снова подхватила горничная.

Бегушев между тем сидел, понурился немного голову и как бы усмехаясь сам с собой. Будь он менее погружен в свои собственные мысли, он, может быть, заметил бы некоторые маленькие, но тем не менее характерные факты. Он увидел бы, например, что между сиденьем и спинкой дивана записан был грязный батистовый платок, перед тем только покрывавший больное горло хозяйки, и что чистый надет уже был теперь, лишь сию минуту; что под развернутой книгой журнала, и развернутой, как видно, совершенно случайно, на какой бог привел странице, так что предыдущие и последующие листы перед этой страницей не были даже разрезаны, - скрывались крошки черного хлеба и не совсем свежей колбасы, которую кушала хозяйка и почти вышвырнула ее в другую комнату, когда раздался звонок Бегушева.

Возвратившись в кабинет, Домна Осиповна снова уселась в свое кресло, приложила ручку к виску и придала несколько нежный оттенок своему взгляду, словом - заметно рисовалась... Она была очень красивая из себя женщина, хотя в красоте ее было чересчур много эффектного и какого-то мертво-эффектного, мазочного, - она, кажется, несколько и притиралась. Взгляд ее черных глаз был умен, но в то же время того, что дается образованием и вращением мысли в более высших сферах человеческих знаний и человеческих чувствований, в нем не было. Несомненно, что Домна Осиповна думала и чувствовала много, но только все это происходило в области самых низших людских горестей и радостей. Самая глубина ее взгляда скорее говорила об лукавстве, затаенности и терпеливости, чем о нежности и деликатности природы, способной глубоко чувствовать.

Бегушев приподнял, наконец, свою голову; улыбка все еще не сходила с его губ.

- Сейчас я ехал-с, - начал он, - по разным вашим Якиманкам, Таганкам; меня обогнало более сотни экипажей, и все это, изволите видеть, ехало сюда из театра.

- Ах, отсюда очень многие ездят! - подхватила Домна Осиповна. - Весь абонемент итальянской оперы почти составлен из Замоскворечья.

Бегушев развел только руками.

- И таким образом, - сказал он с грустной усмешкой, - Таганка и Якиманка {11} - беспепелляционные судьи актера, музыканта, поэта; о печальные времена!

- Что ж, из них очень много образованных людей, прекрасно все понимающих!

- возразила Домна Осиповна.

- Вы думаете? - спросил ее Бегушев.

- Да, я даже знаю очень много примеров тому; моего мужа взять, - он очень любит и понимает все искусства...

Бегушев несколько нахмурился.

- Может быть-с, но дело не в людях, - возразил он, - а в том, что силу дает этим господам, и какую еще силу: совесть людей становится в руках Таганки и Якиманки; разные ваши либералы и демагоги, шапки обыкновенно не хотевшие поднять ни перед каким абсолютизмом, с наслаждением, говорят, с восторгом приемлют разные субсидии и службишки от Таганки!

- Но кто же это? Нет! - не согласилась Домна Осиповна.

- Есть!.. Есть!.. - воскликнул Бегушев. - Рассказывают даже, что немцы в Москве, более прозорливые, нарочно принимают православие, чтобы только угодить Якиманке и на благосклонности оной сотворить себе честь и благодать, - и созидают оное, созидают! - повторил он несколько раз.

Домна Осиповна на это только усмехнулась: она видела, что Бегушев начал острить, а потому все это, конечно, очень мило и смешно у него выходило; но чтобы что-нибудь было серьезное в его словах, она и не подозревала.

Бегушев заметно одушевился.

- Это бессмыслица какая-то историческая! - восклицал он. - Разные рыцари, - что бы там про них ни говорили, - и всевозможные воины ломали себе ребра и головы, утучняли целые поля своею кровью, чтобы добыть своей родине какую-нибудь новую страну, а Таганка и Якиманка поехали туда и нажили себе там денег... Великие мыслители иссушили свои тяжеловесные мозги, чтобы дать миру новые открытия, а Таганка, эксплуатируя эти открытия и обесчистывая при этом работника, зашибла и тут себе копейку и теперь комфортабельнейшим образом разъезжает в вагонах первого класса и поздравляет своих знакомых по телеграфу со всяким вздором... Наконец, сам Бетховен и божественный Рафаэль как будто бы затем только и горели своим вдохновением, чтобы развлекать Таганку и Якиманку или, лучше сказать, механически раздражать их слух и зрение и услаждать их чехвальство.

При последних словах Домна Осиповна придала серьезное выражение своему лицу и возразила почти глубокомысленным тоном:

- Почему же для Таганки одной? Я думаю, и другие могут этим пользоваться и наслаждаться.

- Да других-то, к несчастью, не стало-с! - отвечал с многозначительностью Бегушев. - Я совершенно убежден, что все ваши московские Сент-Жермены {13}, то есть Тверские бульвары, Большие и Малые Никитские {13}, о том только и мечтают, к тому только и стремятся, чтобы как-нибудь уподобиться и сравниться с Таганкой и Якиманкой.

- Богаты уж очень Таганка и Якиманка! Все, разумеется, и желают себе того же, - заметила Домна Осиповна, - в чем, впрочем, и винить никого нельзя: жизнь сделалась так дорога...

- А, если бы вопрос только о жизни был, тогда и говорить нечего; но тут хотят шубу на шубу надеть, сразу хапнуть, как екатерининские вельможи делали: в десять лет такие состояния наживали, что после три-четыре поколения мотают, мотают и все-таки промотать не могут!..

В это время горничная принесла Бегушеву чай.

- Поставь это на стол и сама можешь уйти! - сказала ей Домна Осиповна.

Горничная исполнила ее приказание и ушла.

Бегушев, вероятно очень мучимый жаждою, сразу было хотел выпить целый стакан, но вдруг приостановился, поморщился немного, поставил стакан снова на стол и даже поотодвинул его от себя: чай хоть и был приготовлен из особого ящика, но не совсем, как видно, ему понравился. Домна Осиповна заметила это и постаралась внимание Бегушева отвлечь на другое.

- Постойте, постойте! - начала она как бы слегка укоризненным тоном. Я вас сейчас поймаю; положим, действительно многие, как вы говорите, ездят, чтобы только физически раздражать свои органы слуха и зрения; но зачем вы-то, все уж, кажется, видевший и изучивший, ездили сегодня в театр?

- Я? - спросил Бегушев.

- Да, вы!.. Мне не на шутку досадно было: я больна, скучаю, а вы не едете ко мне.

- Очень просто: я слушал "Травиату"! - объяснил Бегушев.

Лицо Домны Осиповны при этом мгновенно просияло.

- А! - сказала она и потом присовокупила тихо нежным голосом: - Что же, по той все причине, что Травиата напоминает вам меня?

- Не по иной другой-с! - отвечал Бегушев вместе шутливо и с чувством.

- Уж именно! - подтвердила Домна Осиповна. - Я не меньше Травиаты выстрадала: первые годы по выходе замуж я очень часто больна была, и в то время, как я в сильнейшей лихорадке лежу у себя в постели, у нас, слышу, музыка, танцы, маскарады затеваются, и в заключение супруг мой дошел до того, что возлюбленную свою привез к себе в дом...

Бегушев, сидевший все потупившись, при этом вдруг приподнял голову и уставил пристальный взгляд на Домну Осиповну.

- Скажите: вы очень любили вашего мужа? - спросил он.

- Очень! - отвечала Домна Осиповна. - И это чувство во мне, право, до какой-то глупости доходило, так что когда я совершенно ясно видела его холодность, все-таки никак не могла удержаться и раз ему говорю: "Мишель, я молода еще... - Мне всего тогда было двадцать три года... - Я хочу любить и быть любимой! Кто ж мне заменит тебя?.." - "А любой, говорит, кадет, если хочешь..."

- Дурак! - произнес, как бы не утерпев, Бегушев и повернулся в своем кресле.

Домна Осиповна покраснела: она поняла, что чересчур приподняла перед Бегушевым завесу с своих семейных отношений.

- Конечно, это так глупо было сказано, что я даже не рассердилась тогда, - поспешила она прибавить с улыбкой.

Но Бегушев оставался серьезным.

- И что же вы, жили с ним после этого? - проговорил он.

- Да!..

- Странно! - сказал Бегушев, снова потупляя свое лицо. Ему как будто бы совестно было за Домну Осиповну.

- Но я еще любила его - пойми ты это! - возразила она ему. - Даже потом, гораздо после, когда я, наконец, от его беспутства уехала в деревню и когда мне написали, что он в нашу квартиру, в мою даже спальню, перевез свою госпожу.